

Веч. Ленинград, — 1990. — 21 мая

НА СЦЕНЕ — ГОСТИ

«ЭТО ТОТ САМЫЙ ГОСПОДИН СЛУЧАЙ»

В Ленинграде заканчиваются гастроли Московского ТЮЗа. Наш собеседник — один из ведущих актеров этого театра Александр ВДОВИН.

— Когда вышел спектакль по пьесе М. А. Булгакова «Собачье сердце», имея исполнителя роли Шарикова для критиков и театральной публики было совершенно не знакомо. Ходили слухи, что Вдовин много лет был базарным актером, трудился грузчиком на мясокомбинате, и вдруг — приглашение от главного режиссера Г. Яновской и почти мгновенное утверждение на роль...

— Да, почти так. Но мало кто помнит, что я просто вернулся в свой театр. Ведь после окончания Шуйкинского училища в 1972 году я шесть лет работал в Московском ТЮЗе. Играл Квакина в пьесе Т. Гайдара (такой плохой парень, который лазил по садам), какие-то эпизоды, немного снимался в кино. Но не сложились отношения с новым главным режиссером, который приехал к нам из областного центра и стал перетаскивать свой старый репертуар на эту сцену. Театр становился провинциальным, мы пытались протестовать, и вскоре меня под удобным предлогом уволили.

Возраст — к тридцати. На работу не приглашали, а готовить, как школьник, отрывок и показываться кому-то после столько лет профессиональной работы казалось унижением. Не ходил ни разу. Снимался в эпизодах, а в перерывах раз-

ботал и грузчиком, и исполнителем у художника: смальту колол, глину таскал. Впрочем, эта неустроенность сослужила мне хорошую службу: больше приходилось видеть, сомневаться, думать. Но годы-то идут, уже за 30 Думаю, пора менять профессию: не сложилось. И вдруг... Это тот господин Случай, о котором так любят рассказывать артисты: вот один заболел, другой вышел и так сыграл! Из тех театральных чудес, которые иногда случаются с кем-то, но не с тобой.

Г. Яновская уже несколько месяцев репетировала «Собачье сердце» с другим исполнителем, но была не удовлетворена. Тогда знакомые актеры посоветовали ей посмотреть меня. К концу первой же репетиции она сказала: «Будем работать». Так я снова оказался в ТЮЗе.

— И все-таки господин Случай обычно находит именно того, кто готов исполнить его замысел...

— Судьба «Собачьего сердца» оказалась не только моей, но и судьбой многих из нас. Булгаков объединил людей не то что готовых, а жаждавших работать, доказать свою творческую состоятельность после многих лет мытарств и безвестности.

Шел 1987 год. Вспомните,

только самое-самое начало. Никто не был уверен, что спектакль выйдет: пьесу тогда еще даже не публиковали. Мы взяли ее на свой страх и риск. Пусть закроют, запретят, но хотя бы поработать с этим материалом, сыграть хоть один спектакль. А тут началась целая кампания. Сколько «Собак» спустила на нас, например, Н. И. Сац: отдайте театру детям! Что это таксе? Ни колбасок, ни мальчишеской-кибальчишеской. И все-таки премьера состоялась. Кстати, нас просто преследовали странные совпадения вполне в духе Михаила Афанасьевича. Первый полный прогон совпал с 15 мая — днем его рождения. Когда сдавали спектакль управлению культуры, со зрителями, критикой поднимались к режиссеру, и тут же на улице разразилась жуткая гроза: гремел гром, сверкала молния. И потом все девять спектаклей до закрытия сезона сопровождался грозой... Когда в сценографии появились черный снег (пепел, пепелище — каждый воспринимает по-своему), кто-то пришел и сказал: «Пересчитываю «Театральный роман», и вдруг натыкаюсь: один из героев пишет повесть под названием «Черный снег»...

— На первые ваши спектакли невозможно было попасть. Спекулянты торговали билетами втридорога. Зал, конечно, полный и сейчас, но прежнего

ажиотажа нет. Как вы думаете, почему?

— Мы не ставили своей целью отобразить только социальные стороны жизни. Но зритель хотел видеть и видел в нем зачастую только это. Когда «Собака» поехала на гастроли в соцстраны (еще те, прежние), ее и там воспринимали с точки зрения социальной остроты. В странах же «капиталистического лагеря» постановку оценивали по ее художественным достоинствам, что, по-моему, гораздо важнее.

Спектакль идет три года. За это время уже сказано и написано так много, что никого уже не шокирует текст пьесы Булгакова. Но мы задумывали не публицистический спектакль, а размышление о человеке в мире и о мире в человеке, когда насильственное разрушение окружающей жизни сопровождается крушением мира отдельной личности. А людям сейчас порой не до высоких раздумий: слишком много поводов озаботиться собственным будущим, которое неясно и тревожно. Но все-таки стоит помнить, что все мы — дети не только Шарикова и Швондера, но и профессора Преображенского.

Я хожу по Ленинграду и поражаюсь: прекрасный город превращен в обветшалую декорацию. Как получилось, что люди могли построить такое чудо и они же могли привести его, мягко выражаясь, в такое запустение? Вонстину разруха — это «разруха в головах».

В пьесе все становится на свои места: Шариков опять превращается в милейшего пса. В жизни все сложнее...

Беседу вел
И. СТЕПАНОВА